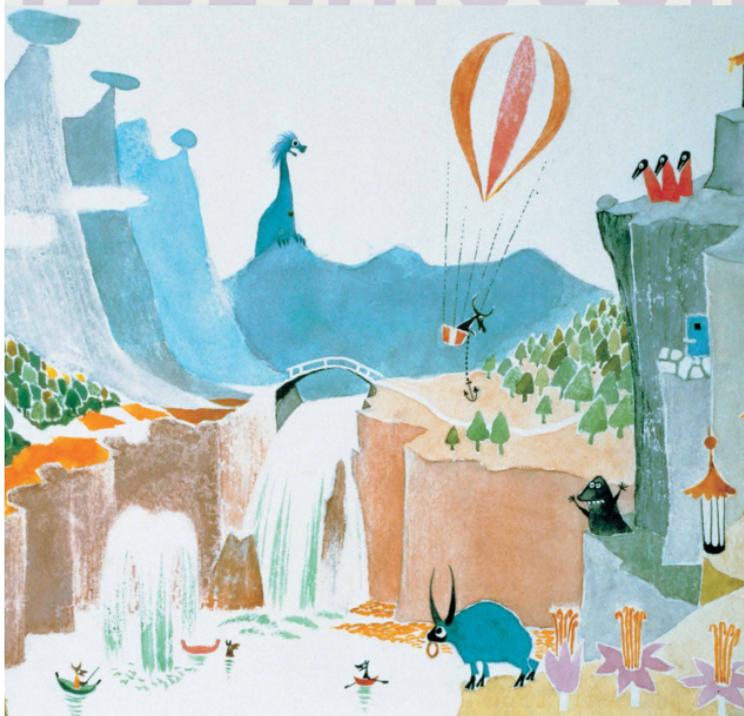
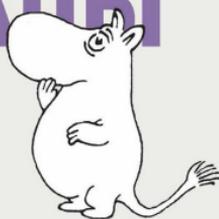

Tove Jansson

МЕМУАРЫ МУМИ-ПАПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Тuve Марика Янссон
Мемуары Муми-папы
Серия «Муми-тролли
(новый перевод)», книга 4

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170429

*Тuve Янссон Мемуары Муми-папы:
ISBN 978-5-389-14892-5*

Аннотация

Однажды летом, в самую жару, Муми-папа умудрился простудиться. Никогда не знаешь, чем закончится простуда – особенно если подхватил её впервые в жизни, – так что лучше заранее позаботиться о том, чтобы остаться в памяти грядущих поколений. А ведь до того как сделаться почтенным отцом семейства, Муми-папа был искателем приключений, бороздил речные и морские просторы на корабле с поэтичным названием «Морзкой оркестор», жизнь его была полна невероятных происшествий, трагических поворотов и героических деяний. Чтобы поведать обо всём этом, простуженный Муми-папа начинает писать мемуары, которые, вне всякого сомнения, послужат отрадой и уроком его потомкам (а заодно и нам с вами).

Книга, которую вы держите в руках, – настоящее событие. Впервые за долгие годы весь цикл о муми-троллях заново

переведён на русский язык! Тем, кто уже знаком с обитателями Муми-долины, будет любопытно по-новому взглянуть на их приключения. А тем, кому первая встреча со сказочным миром Туве Янссон только предстоит, можно лишь по-хорошему позавидовать!

Содержание

Пролог	7
Вступление	12
Глава первая,	16
Глава вторая,	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тове Янссон

Мемуары Муми-папы

Tove Jansson

MUMINPAPPANS MEMOARER

Copyright © Tove Jansson 1950 Moomin Characters ™
All rights reserved

Иллюстрации в тексте и на обложке Тове Янссон

© М. Людковская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Однажды, когда Муми-троль был совсем ещё маленький,

его папа подхватил страшную простуду – прямо среди жаркого лета. Папа ни за что не хотел пить молоко с мёдом и луком и соблюдать постельный режим. Он сидел на садовых качелях, без конца сморкался и жаловался, что сигары стали невыносимо гадкие на вкус. На траве вокруг валялись носовые платки, которые мама время от времени собирала в маленькую корзинку и уносила в дом.

Насморк никак не проходил, а только становился всё хуже, и тогда папа перебрался на веранду в кресло-качалку, спрятал нос в одеяло, а мама замешала ему большую порцию горячего тодди¹ с ромом. Но было поздно. Тодди показался ему таким же противным, как молоко с луком, и, махнув на всё лапой, Муми-папа отправился спать в северную мансарду. Папа ни разу в жизни не болел и поэтому отнёсся к своему недугу крайне серьёзно.

Когда не на шутку разболелось горло, Муми-папа послал за Муми-троллем, Снусмумриком и Сниффом и собрал всех у своей постели. Он просил их не забывать, что им выпало жить бок о бок с настоящим искателем приключений, а потом велел Сниффу принести ему трамвайчик из морской пенки², который стоял на комодe в гостиной. Правда, к этому времени Муми-папа так осип, что никто не понял, что он

¹ *Тодди* – горячий чай с мёдом и пряностями, куда добавляют чего-нибудь горячительного, например рома. (Примеч. ред.)

² *Морская пенка* – такой камень, шелковистый на ощупь и очень лёгкий. Он не тонет в воде и бывает белый, серый или розовый. (Примеч. ред.)

хотел сказать.

Подоткнув больному одеяло, сказав все необходимые слова утешения и сочувствия, а также выдав ему карамельки, аспирин и интересные книжки, домочадцы снова вышли на солнце.

Папа лежал в постели и злился, пока не уснул. Когда он проснулся ближе к вечеру, горло отпустило, но он всё ещё злился. Папа позвонил в колокольчик, стоявший у кровати на тумбочке, и Муми-мама немедленно поднялась к нему и спросила, как он себя чувствует.

– Отвратительно, – сказал папа, – но лучше бы ты сейчас проявила интерес к моему трамвайчику из морской пенки.

– Ты имеешь в виду статуэтку в гостиной? – удивилась мама. – А что с ней такое?

Папа сел.

– Ты что, правда не знаешь, какую важную роль этот трамвайчик сыграл в моей жизни? – спросил он.

– Кажется, ты выиграл его в лотерею или что-то вроде того? – отозвалась мама.

Папа покачал головой, высморкался и вздохнул.

– Так я и думал, – сказал он. – А вдруг бы я сегодня утром умер от простуды? Никто из вас так бы и не узнал историю моего трамвайчика. Да и не только трамвайчика – подозреваю, так же обстоит дело и с массой других наиважнейших вещей. Сколько я вам ни рассказывал о своей юности, вы, конечно же, всё позабыли.

– Кое-какие детали и правда стёрлись, – призналась мама. – Память со временем становится так ненадёжна... Не хочешь пообедать? У нас сегодня летний суп из овощей и кисель.

– Фу, как скучно, – мрачно сказал Муми-папа, отвернулся к стенке и надрывно закашлял.

Муми-мама какое-то время молча смотрела на него.

– Послушай, дорогой, – вдруг сказала она. – Я тут прибирала на чердаке и нашла большую тетрадь. А что, если тебе написать книгу о своей юности?

Папа ничего не ответил, но кашлять перестал.

– Это было бы так кстати – особенно сейчас, когда ты болен и не можешь выходить на улицу, – продолжила мама. – Кажется, это называется муми-ары, да? Когда пишут о своей жизни?

– Мемуары, – поправил её папа.

– А потом ты бы мог читать нам вслух всё, что сочинил. Скажем, после завтрака и после обеда.

– Это так быстро не делается, – проворчал папа, скинув с себя одеяло. – По-твоему, это легко – написать книгу? Я не прочту вслух ни слова, пока не допишу главу до конца, и сперва я буду читать тебе, а потом уже всем остальным.

– Как скажешь, дорогой, – ответила мама и пошла на чердак искать тетрадь.

– Как он себя чувствует? – спросил Муми-тролль.

– Уже лучше, – ответила мама. – Но прошу вас, не шуми-

те, потому что сегодня твой отец начинает писать мемуары.

Вступление

Я, отец Муми-тролля, сижу у окна, глядя, как светлячки вышивают тайный узор на чёрном бархате вечернего сада. Недолговечные росчерки короткой, но счастливой жизни!

Глава семейства и домовладелец, я с грустью оглядываюсь назад, на свою бурную молодость, о которой задумал написать, и перо неуверенно дрожит в моей лапе.

Однако приведу здесь мудрое высказывание другого великого мыслителя, придающее мне храбрости в моём начинании: «Каждый, кем бы он ни был, совершивший какое-либо достойное – или кажущееся достойным – деяние, если он добродетелен и правдив, должен собственноручно описать свою жизнь, однако начинать это предприятие следует не раньше, чем он достигнет сорока лет»³.

Я, несомненно, совершил много достойных деяний, и ещё больше таких, которые кажутся мне достойными. Я весьма добродетелен и правдив, если только правда не слишком скучна (а сколько мне лет, я забыл).

Да, я поддался уговорам близких и соблазну рассказать о себе, ибо, честно скажу, стать автором, чьи труды будут читать во всей долине, – невероятно заманчиво.

Так пусть сии скромные записки послужат отрадой и уроком всем муми-троллям, в особенности же моему сыну. Моя память, некогда ясная, к сожалению, уже изменяет мне. Но за исключением отдельных незначительных преувеличений

³ Здесь Муми-папа приводит цитату из автобиографии Бенвенуто Челлини – знаменитого скульптора и ювелира эпохи Возрождения. (Примеч. пер.)

и неточностей, которые наверняка лишь украсят эту автобиографию и добавят местного колорита и живости, я ни словом не погрешу против истины.

Дабы не задеть ничьих чувств, я в своём повествовании заменяю порой филифьонок на хемулей, гафс на ежих и так далее, но это никак не помешает проникательному читателю разобраться в подлинных обстоятельствах дела.

Читатель, безусловно, узнает в фигуре Юксаре загадочного отца Снусмумрика и, несомненно, поймёт, что зверёк Снифф – отпрыск Шусселя.

О ты, малое неразумное дитя, склонное видеть в отце своём личность серьёзную и почтенную, прочти этот рассказ о приключениях трёх юношей, впоследствии ставших отцами, и ты увидишь, что все папы похожи (или, во всяком случае, были похожи в молодости).

Считаю своей обязанностью – как перед самим собой, так и перед современниками и потомками – написать о нашей славной, не лишённой безрассудства юности. И мыслится мне, что многие, читая сие сочинение, в задумчивости возденут нос к небу и воскликнут: «Ну и муми-тролль!» или «Вот это жизнь!» (Ужас просто, до чего это важный и торжественный момент!)⁴

Наконец, хочу выразить горячую признательность всем, кто в своё время помог превратить мою жизнь в жемчужину,

⁴ Если вы дочитаете мои мемуары до конца, я бы посоветовал вам вернуться к началу и прочесть их ещё раз. (Примеч. Муми-папы.)

каковой она, несомненно, является, – особенно же Фредрик-сону, хаттифнатам и моей супруге, несравненной и неповторимой Муми-маме.

Муми-долина, август.

Автор

Глава первая,
*в которой я повествую о
том, как я рос, окружённый
непониманием, о первом в моей
жизни Происшествии, о страшной
ночи в бегах и об исторической
встрече с Фредриксоном*

авным-давно, унылым и ветреным августовским вечером, на ступенях сиротского муми-приюта была найдена простая плетёная сумка, с какой хозяйки ходят на рынок. В сумке лежал не кто иной, как я, небрежно завёрнутый в старые газеты.

Не правда ли, куда романтичнее было бы уложить меня в маленькую изящную корзинку, выстеленную мягким мхом?!

Меж тем Хемулиха, хозяйка приюта, интересовалась астрологией (исключительно для домашних нужд) и – к чести её надо заметить – выяснила, какие звёзды господствовали на небе в тот день, когда я явился на свет. Звёзды сообщали о рождении незаурядного и одарённого муми-тролля, и Хемулиха забеспокоилась, что я доставлю ей слишком много хлопот (у гениев вообще не лучшая репутация, хотя лично

меня это никогда не смущало).

Удивительная вещь – расположение звёзд! Родись я на час-другой раньше, и быть бы мне азартным картёжником; а те, кто родился на двадцать минут позже меня, обнаружили в себе неодолимое призвание играть в духовом оркестре. (Советую всем папам и мамам, прежде чем зачинать дитя, лишний раз подумать и произвести самые тщательные подсчёты.)

Как бы то ни было, когда меня достали из сумки, я трижды чихнул – причём весьма решительно. Полагаю, это что-нибудь да значило!

Хемулиха капнула мне на хвост сургуча и отпечатала на нём магическую цифру тринадцать, ибо до моего появления в приюте содержалось двенадцать найдёнышей. Все они были одинаково серьёзны, аккуратны и послушны, потому что, к сожалению, Хемулиха мыла их чаще, чем обнимала (цельность её природы заключалась в отсутствии тонких душевных проявлений). Дорогие читатели, представьте себе муми-дом, в котором все комнаты тянутся ровными рядами, все прямоугольные и все до единой выкрашены в грязно-жёлтый цвет. Не верите? Во всех муми-домах всегда полно самых неожиданных закутков и тайных комнат, лестниц, балконов и башенок, скажете вы. Во всех, но только не в этом! Хуже того: здесь не позволялось вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! (Нас даже в уборную не хотели выпускать!)

Мне нельзя было приносить домой и держать под кроватью симпатичных букашек! Есть и мыться полагалось только в строго определённое время! А здороваясь, надо было держать хвост под углом в сорок пять градусов! Можно ли говорить об этом без слёз?!

Я частенько стоял перед маленьким зеркалом в прихожей и вглядывался в грустные голубые глаза по ту сторону стекла, пытаясь постичь тайный смысл своего существования. Спрятав мордочку в лапах, я повторял со вздохом: «Совсем один!», «О жестокий мир!», «От судьбы не уйти!» и другие печальные слова – до тех пор, пока мне не становилось легче.

Я был очень одиноким муми-ребёнком, что часто случается с талантливыми самородками. Никто меня не понимал, и меньше всех – я сам. Конечно, я видел разницу меж собой и другими муми-детьми. По большей части она заключалась в прискорбном отсутствии у них всякой пытливости ума и умения удивляться.

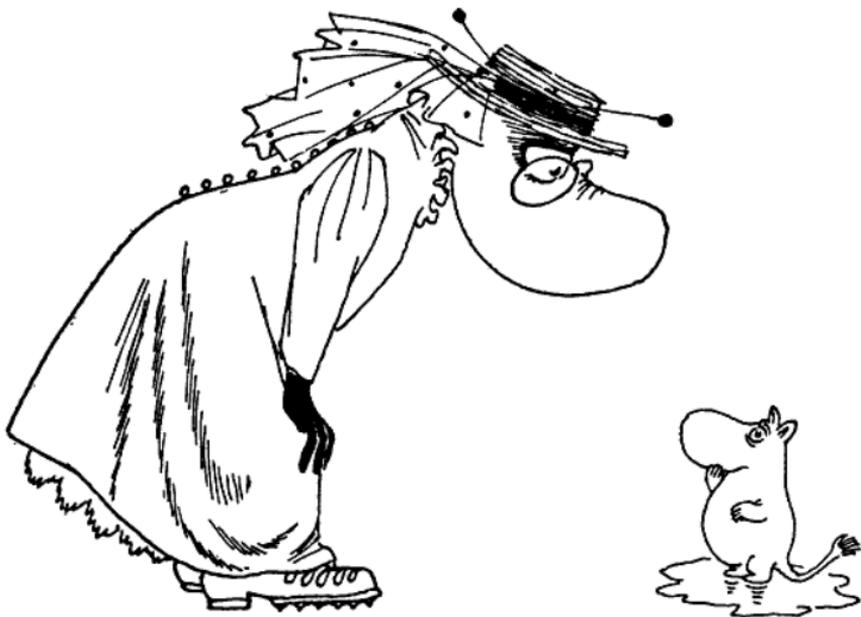
Я, к примеру, мог спросить Хемулиху:

– Почему всё устроено именно так, а не наоборот?

– Наоборот! – хмыкнула Хемулиха. – Ещё чего не хватало.

Можно подумать, нам плохо живётся!

Она никогда ничего мне толком не объясняла, и я всё больше уверялся в том, что она просто предпочитает не думать о таких вещах. «Что и когда?» и «Кто и как?» – пустые для хемулей слова. Я спрашивал её, например, почему я – это я, а не кто-то другой.

– Это большое несчастье для нас обоих! Ты помылся? – вот что на этот важный вопрос отвечала мне Хемулиха.

Но я не отставал:

– Но почему вы, тётя, именно хемуль, а не муми-тролль?

– Мои мама и папа были хемулями, хвала распорядку, – отвечала она.

– А их папы и мамы? – не унимался я.

– И они тоже! – выкрикнула Хемулиха. – И их папы и мамы тоже, и все их мамы и папы, и так далее, и так далее без конца, а теперь иди мойся, потому что я начинаю нервни-

чать!

– Какой ужас. Неужели они никогда не кончаются? – спросил я. – Ведь где-то же были первые папа и мама?

– Это было так давно, что уже не важно, – сказала Хемулиха. – И почему это, интересно, мы должны кончаться?

(Смутное, но навязчивое предчувствие подсказывало мне, что та цепочка мам и пап, которая имела отношение непосредственно ко мне, была не самой заурядной. Я бы не удивился, узнав, что меня нашли в пелёнке с вышитой королевской короной. Но увы! Это была лишь старая газета.)

Как-то раз мне приснилось, что, здороваясь с Хемулихой, я держу хвост под неправильным углом, а именно в семьдесят градусов. Я рассказал ей о своём приятном сне и спросил, не сердится ли она.

– Сны – чепуха, – отрезала Хемулиха.

– Как знать, – возразил я. – А что, если тот муми-тролль, который мне приснился, – настоящий, а тот, что стоит здесь, – просто сон?

– К сожалению, это не так. Ты существуешь, – вздохнула Хемулиха устало. – Всё, мне некогда! У меня от твоих вопросов голова трещит! Что из тебя вырастет в этом нехемульском мире?

– Я буду знаменит, – серьёзно объяснил я. – А ещё я построю приют для маленьких хемулят. И разрешу им есть бутерброды с патокой прямо в постели, а под кроватью держать ужей и скунсов!

– Хемулята на это никогда не согласятся, – сказала Хемулиха.

К сожалению, я думаю, что она права.

Так и протекало моё раннее детство – в постоянном и тихом изумлении. Я только и делал, что удивлялся да повторял свои «Что где?» и «Кто как?» Хемулиха и её послушные найдёныши старались избегать меня, от слова «почему» им, видимо, делалось не по себе. А я бродил в одиночестве по голому пустынному берегу близ приюта и размышлял о паучьих сетях и звёздах, о мелкой живности с закрученными хвостами, копошившейся в лужах, и о ветре, который всегда дул с разных сторон и никогда не пахнул одинаково. (Как я узнал позже, одарённый муми-тролль всегда изумляется тому, что другим представляется очевидным, и не находит ничего удивительного в том, что удивляет муми-тролля обычного.) Это было время меланхолии.

Однако вскоре произошли некоторые перемены. Я задумался о форме собственного носа. Махнув лапой на равнодушное окружение, я стал всё больше размышлять о себе и находил это времяпровождение завораживающим. Я перестал задавать вопросы, вместо этого меня охватило желание говорить о том, что я думаю и чувствую. Но, увы, кроме себя самого, я не был никому интересен.

А потом наступила весна, сыгравшая столь важную роль в

моём развитии. Сперва я и не понял, что она пришла лично ко мне. Я слышал, как пищат, жужжат и бормочут все те, кто пробуждается от зимней спячки и торопится встречать весну. Я видел, как спешат пробиться из земли побеги на идеально симметричном огороде Хемулихи, как они вытягиваются от нетерпения. По ночам пели новые ветра. И запахи стали другими. Пахло переменами. Я водил носом и принюхивался, лапы у меня болели, оттого что так быстро росли, но я пока ещё не понимал, что всё это происходит только ради меня одного.

И вот однажды, ветреным утром, я наконец это почувствовал... Да-да, я попросту это ощутил. И сразу поспешил к морю, которое Хемулиха не любила и потому ходить туда всем запрещала.

У моря меня ждало важное открытие. Впервые в жизни я увидел себя в полный рост. Гладкая блестящая льдина была куда больше, чем зеркало в прихожей у Хемулихи. Я видел, как над моими аккуратными наострѐнными ушками пролетают весенние облака. Наконец-то я смог оглядеть всю свою мордочку и её крепкое, ладное продолжение до самых лапок. Единственное, что меня слегка разочаровало, – это они, лапки. Было в них что-то беспомощное и детское. Но, подумал я, быть может, со временем это пройдёт. Ведь моё главное достоинство, вне всяких сомнений, – это голова. Что бы я ни делал, другим со мной никогда не будет скучно. А на лапы мои никто и внимания не обратит. Зачарованный, я смотрел

на своё отражение. Чтобы получше разглядеть его, я лёг животом на лёд.

Но в тот же миг я исчез. Осталась лишь зелёная мгла, которая уходила вниз, всё глубже и глубже. В чужом, тайном подлёдном мире двигались нечёткие тени, опасные и манящие. У меня закружилась голова, и я подумал: а что будет, если рухнуть туда? Вниз, к этим странным теням...

Эта мысль была столь ужасна, что я снова повторил её про себя: глубже, глубже... И никогда уже не подняться... Всё вниз, вниз и вниз.

Это меня страшно взволновало. Я встал и немного попрыгал – проверить, выдержит ли лёд. Лёд был крепкий. Тогда я решил посмотреть, что будет, если я пройду ещё дальше. Но дальше лёд не выдержал.

Я вдруг по уши провалился в холодную зелёную воду. Я болтал своими беспомощными лапками над бездонной и опасной мглой, а по небу летели облака – так спокойно, будто ничего и не случилось.

А что, если одна из грозных подлёдных теней меня сожрёт?! Отхватит одно ухо, принесёт его домой своим деткам и скажет: «Ешьте скорей, пока не остыло! Это самый настоящий муми-тролль, редкий улов!» Или вдруг меня прибьёт к берегу, с трагическим пучком водорослей за ушами, и Хемулиха будет плакать и каяться, и твердить всем своим знакомым: «Ах, это был такой необычный муми-тролль! Жаль только, я не понимала этого раньше...»

Я уже представлял себе собственные похороны, когда вдруг почувствовал, как что-то легонько щиплет меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, с какой бережностью

следует обращаться с этим особенным украшением нашего тела и как чувствительно оно к любой опасности и грубости. Очнувшись от грёз, я приготовился действовать. Я решительно вскарабкался на льдину и добрался до берега. Там я сказал себе: это было Происшествие. Первое в моей жизни. Теперь я больше не могу оставаться у Хемулихи. Я возьму свою судьбу в собственные лапы!

Весь день я дрожал, но никто не спрашивал меня почему. И это лишь укрепило мою решимость. В сумерках я порвал простыню на длинные полосы, сплёл из них верёвку и привязал её к подоконнику. Послушные найдёныши внимательно за мной наблюдали, но ничего не говорили, что весьма меня задело. После вечернего чая я написал прощальное письмо, предварительно хорошенько его обдумав. Письмо было простое, но полное внутреннего достоинства. Вот как оно звучало:

Дорогая Хемулиха!

Я уверен, что меня ждут великие дела, а жизнь муми-тролля коротка. Поэтому я ухожу, прощайте. Не скорбите обо мне, я вернусь, увенчанный славой!

Р. С. Я взял банку тыквенного пюре из Ваших запасов.

Счастливо оставаться!

*Муми-тролль,
непохожий на других.*

Жребий брошен! Я отправился в путь, ведóмый звёзда-

ми своей судьбы и не знающий о том, какие удивительные происшествия ждут меня впереди. Ещё совсем юный муми-тролль, я печально брёл по лугам, ронял вздохи в тишине диких лощин и прислушивался к жутким звукам ночи, которые лишь обостряли моё одиночество.

Воспоминания о несчастливом детстве так растрогали Муми-папу, что, дойдя в своём рассказе до этого места, он решил немного передохнуть. Он закрутил колпачок ручки и подошёл к окну. В Муми-долине было совсем тихо. Только вечерний бриз что-то шептал в саду, да верёвочная лестница Муми-тролля раскачивалась у стены. «А что, я легко мог бы сбежать и теперь, – подумал папа. – Ведь я ещё хоть куда!»

Хихикнув себе под нос, он свесил ноги с подоконника и взялся за лестницу.

– Привет, папа, – поздоровался Муми-тролль, высунувшись из соседнего окна. – Что ты делаешь?

– Гимнастику, сын мой, – ответил Муми-папа. – Очень полезно! Шаг вниз, два наверх, шаг вниз, два наверх! Укрепляет мышцы.

– Смотри не упади, – сказал Муми-тролль. – Как там твои мемуары?

– Хорошо, – ответил папа и перекинул дрожащие лапки обратно через подоконник. – Я только что сбежал. Хемулиха рыдает. Будет очень драматично.

– Когда ты нам считаешь? – спросил Муми-тролль.

– Скоро. Как только дойду до корабля. Это так увлекательно – читать то, что сам написал!

– Это точно, – зевая, откликнулся Муми-тролль. – Пока.

– Пока, – ответил папа и открутил колпачок ручки. – Так-так. На чём я там остановился?.. Ага, я бежал, а потом, наутро... Нет, это было позже. Надо добавить красок в описание ночи бегства...

Всю ночь я брёл по незнакомым, унылым местам. Как же мне жалко себя теперь, когда я оглядываюсь назад! Я не смел остановиться, не смел оглядеться по сторонам. Мало ли что скрывается в темноте! Я пробовал петь «О, этот нехемульский мир» – утренний марш найдёнышей, – но голос дрожал так, что становилось только страшнее. В ту ночь был туман. Густой, как овсяная каша Хемулихи, он накрыл пустошь, обратив кусты и камни в бесформенные чудища – они ползли на меня, тянули руки... Бедный я, бедный!

Даже сомнительная компания Хемулихи могла бы утешить меня в тот миг. Но повернуть назад – ни за что! Тем более после такого шикарного прощального письма!

Наконец тьма рассеялась.

А на заре случилось кое-что восхитительное. Туман стал розовым, как вуаль на выходной шляпке Хемулихи, и в один миг весь мир тоже стал дружелюбным и розовым! Я стоял неподвижно и смотрел, как уходит ночь, я полностью расквитался с ней, и теперь меня ждало утро, моё первое, личное, только моё утро! Дорогие читатели, вообразите себе, с какой радостью, с каким ликованием я сорвал с хвоста ненавистный сургуч и зашвырнул его подальше в вересковую пустошь! А потом – в брезжущем свете холодного весеннего утра – сплясал муми-танец в честь обрётённой свободы, навострив свои маленькие изящные ушки и гордо задрав мордочку.

Теперь мне никогда больше не надо будет мыться! Никогда больше меня не заставят ужинать лишь потому, что часы пробили пять! Не надо никому салютовать хвостом – кроме разве что короля – и спать в грязно-жёлтой прямоугольной комнате! Долой хемулей!

На небо выкатилось солнце, засверкало на паутине и на мокрых листьях, и сквозь тающий туман я увидел Дорогу. Петляя по лугам, она вела прямо в мир, в мою жизнь, которая станет необыкновенной, славной жизнью, не похожей ни на чью другую.

Первым делом я съел тыквенное пюре и выкинул банку, избавившись тем самым от единственного своего имущества. Никакие дела меня не ждали, а делать что-либо просто по старой привычке я не мог, потому что всё вокруг было новым. Никогда ещё мне не было так хорошо.

Это потрясающее настроение не покидало меня до вечера. Я так упивался свободой и самим собой, что наступающие вечерние сумерки ничуть меня не беспокоили. Распевая песню, которую я сложил из самых важных слов (теперь, к сожалению, позабытую), я шагал прямо в объятия ночи.

Ветер дул в лицо, и незнакомый, приятный запах наполнял меня предвкушениями. Тогда я не знал, что так пахнет лес, что это аромат мха и папоротников и тысяч больших деревьев. Устав от ходьбы, я свернулся калачиком на земле и подтянул к животу замёрзшие лапки. Кто его знает, может, и не стоит открывать приют для маленьких хемулей. Их, кстати говоря, находят крайне редко. И не лучше ли стать искателем приключений, чем просто знаменитостью? В конце концов я решил стать знаменитым искателем приключений. И перед тем как уснуть, подумал: завтра!

Когда я проснулся, надо мной простирался новый, ярко-зелёный мир. Я очень удивился, и меня нетрудно понять – ведь за всю свою жизнь я не видел ни единого деревца. Эти деревья были так высоки, что захватывало дух; на прямых, как копыя, стволах несли они свои зелёные своды. Листва

легко покачивалась и светилась на солнце, а птицы сновали взад-вперёд и голосили от восторга. Я немного постоял на голове, чтобы собраться с мыслями. А потом крикнул:

– Доброе утро! Чьё это такое красивое место? Надеюсь, хемули тут не водятся?

– Нам некогда! Мы играем! – крикнули птицы в ответ и спикировали вниз, рассекая листву.

И тогда я пошёл в лес. Мох был тёплый и очень мягкий, но под папоротниками покоились глубокие тени. Куда ни глянь, всюду шебуршали ползучие и летучие создания, но они, разумеется, были слишком малы для серьёзных разговоров. Наконец мне повстречалась пожилая ежиха, которая сидела в одиночестве и начищала ореховую скорлупку.

– Доброе утро! – приветствовал я её. – Я – одинокий беглец, рождённый под совершенно особенными звёздами.

– Вот как, – буркнула ежиха без особого интереса. – А я работаю. Делаю плошку для простокваши.

– Чудесно, – сказал я и понял, что проголодался. – А кто же владелец этого прекрасного места?

– Никто! Все! – ответила ежиха, пожимая плечами.

– И я тоже? – спросил я.

– Да пожалуйста, мне-то что. – И ежиха продолжила чистить скорлупку.

– А вы точно уверены, что это место не принадлежит кому-нибудь из хемулей? – с беспокойством спросил я.

– Кому? – переспросила ежиха.

Надо же, эта счастливица в жизни не встречала хемулей!

– У хемулей ужасно огромные ноги и отсутствует чувство юмора, – объяснил я. – Нос у них выдающийся, слегка приплюснутый, а волосы растут непонятными клочками. Хемули ничего не делают просто ради удовольствия, а делают только то, что нужно, и всё время учат других, что им делать, и...

– О ужас! – воскликнула ежиха и попятилась в папоротники.

Что ж, подумал я, слегка обиженный (мне хотелось гораздо больше рассказать о хемулях). Это место – ничьё, и в то же время – общее, а значит, и моё тоже. Чем же заняться?

И я сразу придумал чем – новые идеи быстро приходят мне в голову. Клац – и готово. Если есть муми-тролль и есть некое Место, то можете не сомневаться, что на этом месте появится Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я построю сам! Дом, который будет принадлежать только мне! Неподальёку я нашёл ручей и зелёную полянку, показавшиеся мне очень подходящими для муми-тролля. А в излучине ручья был даже маленький песчаный пляжик.

Я взял палочку и принялся рисовать на песке мой дом. Я не сомневался ни секунды – я точно знал, как должен выглядеть дом муми-тролля. Я сделал его высоким и узким, со множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я устроил три маленькие комнаты и чулан для всякой, знаете, всячины, а нижний этаж заняла большая, нарядная гостиная. Снаружи – остеклённая веранда: тут я буду сидеть в кресле-качалке, смотреть, как бежит ручей, а рядом поставлю поднос с большим стаканом сока и длиннющей вереницей бутербродов. Перила веранды я украсил искусной резьбой с сосновыми шишками. Остроконечную крышу дома венчала изящная луковка, которую я позже обязательно позолочу. Я долго думал, как быть с традиционной печной дверцей – памятью тех давних времён, когда все муми-тролли жили за печкой (то есть ещё до того, как кто-то придумал батареи парового отопления). В результате я решил обойтись без латунной дверцы и сложил в гостиной огромную печь, покрытую изразцами.

Вообще говоря, дом и сам определённо походил на изразцовую печь. Я был просто зачарован этим прекрасным строением, выросшим с такой сказочной быстротой. Полагаю, тут дело в наследственных качествах, но также в таланте, критическом мышлении и способности трезво оценивать свои возможности. Однако, поскольку творцу не пристало расхваливать собственное творение, я описываю вам результат своей

работы лишь в общих чертах.

Внезапно похолодало. Тень от папоротников расплзлась на весь лес, близился вечер.

Я так устал и проголодался, что голова моя шла кругом и я не мог думать ни о чём другом, кроме как о ежихиной простокваше. К тому же, кто знает, вдруг у неё найдётся золотая краска для луковки на крыше... На негнущихся от усталости лапах я пошёл назад через чернеющий лес.

– Опять вы здесь, – сказала ежиха. Она мыла посуду. – Только не вздумайте снова рассказывать мне о хемулях!

Я широко взмахнул лапой и ответил:

– До хемулей, любезная госпожа, мне нет теперь ни малейшего дела. Я построил дом! Непритязательный двухэтажный домик. Я устал, я счастлив и невероятно голоден! Я привык ужинать в пять часов. И ещё мне нужно немного золотой краски для луковки на...

– Вот как? Золотой краски! – недовольно перебила меня ежиха. – Новая простокваша ещё не заквасилась, а старую я съела. Вы явились как раз к мытью посуды.

– Пусть так, – отвечал я. – Что такое чашка простокваши для искателя приключений? Но прошу вас, любезная госпожа, бросьте вы эту посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха недоверчиво посмотрела на меня, вздохнула и обтерла лапки полотенцем.

– Ладно, – сказала она. – Опять придётся воду греть. Где этот ваш дом? Далёко?

Я повёл её к ручью, и, пока шёл, в мои пятки закралось страшное предчувствие и поползло выше, к самому животу. Тем временем мы приблизились к месту.

– Ну? – сказала ежиха.

– Любезная госпожа, – жалобно произнёс я, указывая на своё строение на песке. – Вот таким я задумал мой дом. Перила на веранде украшает резной узор из сосновых шишек. Вернее, если вы одолжите мне лобзик... – Я совершенно запутался.

Понимаете ли, дорогие читатели, я так увлёкся строительством, что и вправду поверил, будто дом готов! Это, безусловно, свидетельствует об очень живом воображении – качестве, которое в будущем станет определяющим в моей жизни и жизни моих близких.

Ежиха ничего не сказала. Она окинула меня долгим взглядом, пробормотала что-то, чего я, к счастью, не разобрал, и ушла домыывать свою посуду.

Я шагнул в ручей и, ни о чём не думая, побрёл по прохладной воде. Ручей бежал так, как обычно бегут ручьи, причудливо и неторопливо. Местами он был прозрачный и мелкий, с камушками на дне, а местами делался глубже, и тогда вода темнела и замирала. Солнце – очень красное – спустилось уже совсем низко и светило на меня из-за сосен, а я, прикрыв глаза, шёл себе дальше.

Наконец снова раздался щелчок: клац! – и в голову мне пришла свежая мысль. Сами рассудите, если бы я построил

дом на прекрасной полянке с прекрасными цветами, то я бы испортил полянку, правда? Дом лучше строить рядом с полянкой, а рядом с полянкой места для постройки, представьте себе, не было. И ещё – я бы стал домовладельцем. Спрашивается, может ли домовладелец быть в то же самое время искателем приключений? Нет! Это, скажу я вам, исключено!

Теперь подумайте дальше: а вдруг мне всю жизнь пришлось бы жить по соседству с этой ежихой? Ведь у неё, вероятно, огромная ежиная родня, и все они, полагаю, точь-в-точь такие же, как она. То есть вообще-то мне очень повезло: я избежал разом трёх больших неприятностей.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что строительство дома стало моим первым жизненным Опытом, имевшим величайшее значение для моего развития.

Итак, не потеряв свободы и самоуважения, я брёл по течению, пока странный негромкий звук не нарушил хода моих мыслей. Посреди ручья крутилось замечательное водяное колесо, собранное из веточек и плотных листьев. Я в изумлении остановился. И вдруг услышал чей-то голос:

– Эксперимент. Считаю обороты.

Сощутив глаза против огромного красного солнца, я увидел два внушительных уха, торчащих из кустов черники.

– С кем имею честь?.. – спросил я.

– Фредриксон, – ответил мой ушастый собеседник. – А вы кто?

– Я муми-тролль, – сказал я. – Беглец, рождённый под со-

вершенно особенными звёздами.

– Какими же? – с явным любопытством спросил Фредриксон, и я очень обрадовался, потому что впервые за всю свою жизнь услышал умный вопрос.

Я вылез из ручья, сел рядом с Фредриксоном и рассказал обо всех знамениях и знаках, сопровождавших моё появление на свет. Он ни разу не перебил меня, и я поведал о прекрасной корзиночке из листьев, в которой нашла меня Хемулиха. Рассказал о её ужасном доме и о моём детстве, прошедшем среди непонимания. О приключении на весеннем льду, и о драматическом бегстве из приюта, и о полном опасностей пути через пустоши и лощины.

Наконец я объяснил Фредриксону, что хочу стать искателем приключений. (Про дом и ежиху я решил не упоминать – зачем придавать значение второстепенным деталям?)

Фредриксон серьёзно слушал, помахивая ушами ровно там, где это было уместно. Когда я умолк, он ещё долго думал, а потом сказал:

– Странно. Всё это довольно странно.

– Правда же?! – благодарно поддакнул я.

– Хемули – неприятные создания, – пояснил Фредриксон.

Он задумчиво достал из кармана кулёк с бутербродами и протянул мне половину.

– Ветчина, – сказал он.

Потом мы немного посидели рядом, глядя на исчезающее солнце.

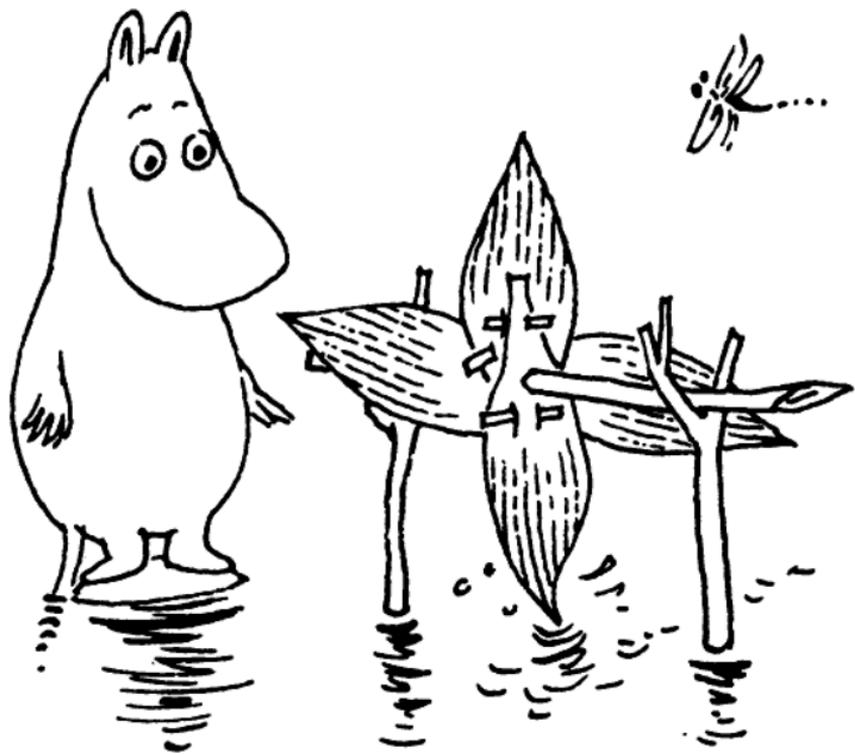
В течение всей нашей долгой дружбы с Фредриксоном я не раз изумлялся тому, как ему удаётся успокоить и убедить собеседника, почти ничего не говоря и не прибегая к словам с большой буквы. Обидно, что я так не умею, но меняться я не собираюсь.

День закончился восхитительно. Советую всем, у кого тревожно на душе, понаблюдать, как крутится посреди ручья сделанное на славу водяное колесо. Искусству мастерить такие колёса я впоследствии научил моего сына Муми-тролля. (Делается это так: срежьте две небольшие рогатины и воткните в песок на дне ручья на некотором расстоянии друг от друга. Найдите четыре продолговатых плотных листка и проткните их в середине веточкой, так, чтобы из них, вместе взятых, получилась звезда. На картинке показано, как скрепить всю эту конструкцию тонкими прутиками. Наконец, по-

ложите веточку с листиками в развилки рогатин, и колесо завертится.)

Когда лес стал совсем чёрный, мы с Фредриксоном пошли на мою полянку и там заночевали. Мы спали на веранде моего дома, только Фредриксон об этом не знал. Зато я окончательно продумал узор с сосновыми шишками для перил. Я понял, как построить лестницу на верхний этаж. Я был убеждён, что дом совершенен и в некотором смысле готов. Теперь о нём можно до поры до времени забыть.

Главным сейчас было то, что я нашёл своего первого друга, а значит, моя жизнь началась всерьёз.

Глава вторая,
где я ввожу в повествование
Шуссея, представляю читателю
дронта Эдварда и красочно
описываю «Морзкой оркестор»
и его незабываемый спуск на воду

огда я проснулся, Фредрик-сон ставил в ручье сеть.

– Привет, – сказал я. – Здесь водится рыба?

– Нет, – отвечал Фредриксон. – Подарок на день рождения.

В этом был весь Фредриксон. На самом деле он просто хотел сказать, что сеть ему подарил племянник, который сам её сплёл и очень бы огорчился, если бы Фредриксон её не опробовал. Со временем я узнал, что племянника зовут Шуссель⁵ и что родители его погибли во время генеральной уборки. Теперь он жил в банке из-под кофе – такой, знаете, синей – и собирал главным образом пуговицы. Не самая длинная

⁵ *Шуссель* – это такой маленький зверёк, который носится взад-вперёд очень быстро и бестолково, опрокидывая и роняя всё вокруг. (Примеч. автора.)

история, правда? Но Фредриксон ни за что не смог бы рассказать её всю целиком за один раз.

Он слегка поманил меня ухом и двинулся через лес, указывая дорогу. Мы остановились перед кофейной банкой. Фредриксон достал кедровый свисток с горошиной внутри и свистнул два раза. Крышка слетела, из банки выскочил Шуссель и радостно бросился к нам, пища и суется.

– Доброе утро! – закричал он. – Как здорово! Кажется, ты говорил, чтобы сегодня я ждал сюрприза?! А кого это ты привёл? Какая честь! Жаль только, я не успел прибраться в банке...

– Не волнуйся, – отвечал Фредриксон. – Муми-тролль.

– Добрый день! – выкрикнул Шуссель. – Очень рад! Я сейчас... Одну секунду, мне только надо кое-что захватить...

Шуссель исчез в банке и стал с ужасным грохотом копошиться там. Вскоре он вылез, зажав под мышкой небольшую коробку, и мы втроём пошли через лес.

– Племянник, – вдруг сказал Фредриксон. – Ты рисовать умеешь?

– Ещё бы! – воскликнул Шуссель. – Однажды я нарисовал именные карточки для застолья – всем своим кузенам, чтобы знать, где кто сидит! У каждого была своя, особая карточка! Хочешь, я и тебе такую сделаю, глянцевую, блестящую? Или выведу какой-нибудь афоризм? Прости, но что именно тебе нужно? Это как-то связано с твоим сюрпризом?

– Секрет, – ответил Фредриксон.

Тут Шуссель запрыгал от возбуждения, верёвочка, которой была перехвачена его коробка, развязалась, и в мох посыпались все его пожитки, а именно: медные спиральки, резинки для чулок, ролики для выкроек, серёжки, двойные розетки, баночки, сушёные лягушки, сырорезки, сигаретные окурки, множество пуговиц и прижимная пробка для бутылки.

– Спокойно, – сказал Фредриксон и собрал всё обратно.

– Раньше у меня был отличный шнурочек, но он потерялся! Простите! – сказал Шуссель.

Фредриксон вынул из кармана шпагат, перевязал коробку, и мы пошли дальше. Уши Фредриксона выдавали тайное волнение. Наконец он остановился у густого орешника, повернулся и серьёзно поглядел на нас.

– Там твой сюрприз? – благоговейно прошептал Шуссель.

Фредриксон кивнул. Мы торжественно заползли в орешник и вскоре оказались на полянке, посреди которой высился корабль, большой корабль!

Он был широкий и остойчивый, как сам Фредриксон, такой же надёжный и крепкий. Я ничего не знал о кораблях, но сразу прочувствовал саму, так сказать, идею корабля; моё жаждущее приключений сердце заколотилось, я ощутил запах новой свободы. Одновременно я представил, как в мечтах Фредриксона родился этот корабль, как Фредриксон продумывал и чертил его, как по утрам ходил на свою полянку и строил. Должно быть, он очень давно над ним ра-

ботал, но никому ещё о нём не рассказывал, даже Шусселю.

Мне вдруг стало грустно.

– Как ты его назвал? – еле слышно спросил я.

– «Морской оркестр», – отвечал Фредриксон. – Так назывался сборник стихов моего пропавшего брата. Надпись будет ультрамариновая.

– Можно я напишу название?! Пожалуйста! – пролепетал Шуссель. – Что, правда? Клянёшься своим хвостом? Прости, а можно я покрашу весь корабль? Тебе нравится красный цвет?

Фредриксон кивнул и сказал:

– Осторожней, не закрась ватерлинию.

– У меня есть большая жестянка с красной краской! – вне себя от счастья закричал Шуссель. – И маленькая скляночка ультрамарина... Какое совпадение! Как здорово! Я домой, приготовлю вам завтрак и приберу в кофейной банке... – Усики его задрожали от волнения, и он убежал.

Я посмотрел на корабль и сказал:

– Вот это да.

И тут Фредриксон заговорил. Он говорил долго, не умолкая, и всё только о конструкции своего корабля. Потом достал бумагу и ручку и показал мне, как будут крутиться колёса. Мне было трудно уследить за его объяснениями, но я понял, что его что-то беспокоит. Кажется, это было как-то связано с винтом.

Я всей душой ему сочувствовал, но, к сожалению, не мог уяснить суть проблемы: увы, при всей разносторонности моего таланта, на некоторые области он всё-таки не распространяется, и одна из них – инженерное дело.

Зато посреди корабля высился маленький домик с ажурной крышей, который меня сразу очень заинтересовал.

– Ты здесь живёшь? – спросил я. – Похоже на беседку для муми-троллей.

– Ходовая рубка, – с лёгким неудовольствием ответил Фредриксон.

Я погрузился в раздумья. На мой вкус, домик был чересчур практичен и безыскусен. Наличники могли быть и позатейливей. На капитанском мостике явно не хватало резных деревянных перилец с морскими мотивами. А крышу неплохо бы украсить луковкой, которую вполне можно позолотить...

Я открыл дверь. Прямо посреди рубки на полу кто-то спал, прикрывшись шляпой.

– Знакомый? – удивлённо спросил я Фредриксона.

Фредриксон подошёл ближе.

– Юксаре, – сказал он.

Я внимательно посмотрел на Юксаре. Впечатление он производил мягкое, небрежное и почти что светло-коричневое. Шляпа – очень ветхая – была украшена увядшими цветами. Похоже было, что Юксаре очень давно не мылся и это вообще не входило в его планы.

Тут примчался Шуссель и завопил:

– Все к столу!

Юксаре проснулся и стал потягиваться, точь-в-точь как кошка.

– Хупп-хэфф, – приговаривал он, зевая.

– Простите, но что вы делаете на корабле Фредриксона? –

грозно спросил Шуссель. – Вы что, не видели, что тут написано «Вход запрещён»?!

– Видел, конечно, – приветливо ответил Юксаре. – Потому я здесь.

Это происшествие многое говорит о Юксаре как о личности. Единственное, что могло пробудить его от полусонной кошачьей жизни, – это табличка с каким-либо запретом, закрытая дверь или стена; а если он замечал сторожа в парке, его усы начинали дрожать, и тут уж от него можно было ждать чего угодно. Всё же остальное время он, как вы поняли, спал, ел или предавался мечтам. В описанный мною момент Юксаре был преимущественно озабочен едой. Поэтому мы вернулись к банке Шусселя, где на выдавшей виды шахматной доске покоился остывший омлет.

– Утром у меня был отличный пудинг, – объяснил Шуссель. – Но он куда-то подевался. Это так называемый скоростной омлет!

Шуссель разложил угощение на крышки от банок и стал напряжённо смотреть, как мы едим. Фредриксон жевал долго и с заметным усилием, и вид у него при этом был странный.

Наконец он сказал:

– Племянник. Что-то твёрдое.

– Твёрдое?! – вскрикнул Шуссель. – Наверное, что-то из моей коллекции... Выплюнь! Выплюнь скорей!

Фредриксон сплюнул на свою крышку два чёрных предмета с торчащими во все стороны зубцами.

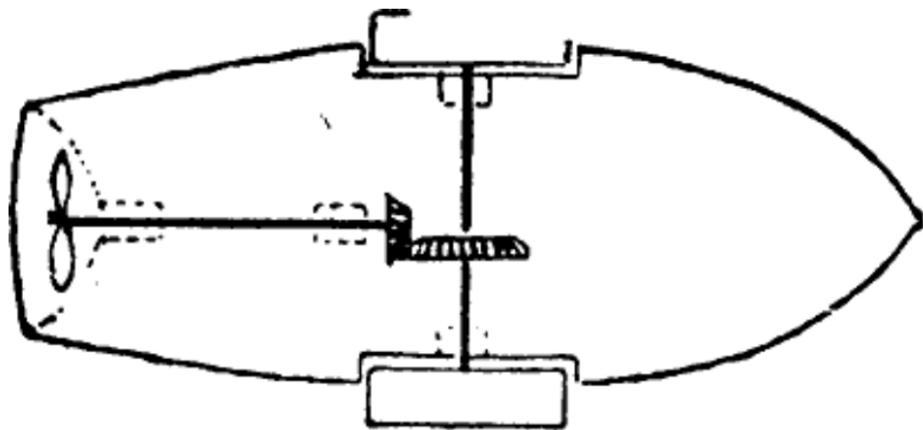
– О, сможешь ли ты простить меня? – воскликнул племянник. – Это мои шестерёнки. Какое счастье, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон ничего не ответил – наморщив лоб, он долго смотрел перед собой. И тогда Шуссель заплакал.

– Ты уж прости племянника, – сказал Юксаре. – Видишь, как он расстроился.

– Простить? – воскликнул Фредриксон. – Наоборот!

Он взял бумагу и ручку и показал, как надо соединить шестерёнки, чтобы винт и колёса заработали. Вот что нарисовал Фредриксон (я надеюсь, вы понимаете, что он имел в виду).

А Шуссель закричал:

– Не может быть! Неужто мои шестерёнкигодились для твоего изобретения!

Мы закончили трапезу в приподнятом настроении.

Племянник Фредриксона так воодушевился, что надел свой самый большой фартук и, не теряя ни минуты, принялся красить «Морской оркестр» в красный цвет. Он старался изо всех сил: вскоре красным уже был не только корабль, но и земля вокруг. Скажу больше: такого красного существа, каким стал он сам, я в жизни не видел. Название корабля было выведено ультрамарином.

Когда работа была закончена, Фредриксон подошёл посмотреть.

– Красиво, правда же? – проговорил Шуссель, взволнованно заглядывая ему в лицо. – Я очень старался! Я с головой ушёл в работу!

– Заметно, – признал Фредриксон, глядя на красного пле-

мянника.

Потом он посмотрел на кривую ватерлинию и сказал:

– Хм.

Потом посмотрел на название и добавил:

– Хм, хм.

– Что, я неправильно написал? – встревожился Шуссель. –

Говори же скорей, а не то я опять заплачу! Прости! «Морской оркестр» – такое трудное название!

– «Морзкой оркестор», – прочёл Фредриксон.

Потом подумал с минуту и сказал:

– Успокойся. Сойдёт.

Шуссель облегчённо вздохнул и кинулся к своему дому, чтобы покрасить его остатками краски.

Вечером Фредриксон поставил в ручье сеть. И можете представить себе наше изумление, когда в неё попался нактоуз – маленький ящичек для судовых приборов, в котором лежал барометр-анероид! Я до сих пор не перестаю удивляться этим поразительным находкам!

Папа закрыл тетрадь и выжидающе посмотрел на слушателей.

– Ну как вам? – спросил он.

– По-моему, это будет замечательная книга, – серьёзно сказал Муми-тролль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на шмелей. Было тепло и безветренно.

– Но признайся, многое ты просто выдумал, – сказал Снифф.

– Вовсе нет! – воскликнул Муми-папа. – То были совсем другие времена! Здесь каждое слово правда! Ну, разумеется, местами я добавил красок...

– Интересно, – проговорил Снифф, – где теперь папина коллекция.

– Какая коллекция? – не понял Муми-папа.

– Пуговичная коллекция моего папы, – повторил Снифф. – Хочешь сказать, Шуссель – не мой отец?

– Конечно, он твой отец, – ответил Муми-папа.

– Так куда же тогда девалась его драгоценная коллекция? Она должна была достаться мне по наследству.

– Хупп-хэфф, как говорил мой папа, – сказал Снусмумрик. – Почему ты так мало рассказываешь о Юксаре? Где он сейчас?

– Да кто же их разберёт, этих пап... – Муми-папа неопределённо взмахнул лапой. – Они приходят и уходят... Как бы то ни было, я сохранил их для потомков в своих мемуарах.

Снифф фыркнул.

– Выходит, Юксаре тоже не любил сторожей в парках, – задумчиво проговорил Снусмумрик. – Надо же...

Они вытянули ноги в траве и закрыли глаза, подставив лица солнцу. Было хорошо, слегка клонило в сон.

– Папа, – сказал Муми-тролль, – а неужели в те времена так странно разговаривали? «Представьте мое удивление»,

«послужат отрадой и уроком», «сие» и всякое такое.

– Что тут странного? – рассердился папа. – Думаешь, писатель может выражаться как попало?!

– Да, но иногда же ты выражаешься как все, – возразил его сын. – И Шуссель у тебя разговаривает нормально.

– Ерунда, – отмахнулся папа. – Это просто местный колорит. К тому же есть большая разница между тем, как мы о чём-то думаем, и тем, как мы об этом рассказываем. То есть, я хочу сказать, наши представления и рассуждения, когда мы начинаем о них рассказывать, звучат совершенно иначе, и всё это очень зависит от настроения... Так мне кажется.

Папа замолчал и принялся взволнованно листать мемуары.

– Думаете, я выбрал слишком необычные слова? – спросил он.

– Ничего страшного, – сказал Муми-тролль. – Ведь это было давно, к тому же в целом-то понятно, что ты хотел сказать. Ты что-нибудь ещё написал?

– Пока нет, – ответил папа. – Но сейчас начнётся самое увлекательное. Я почти дошёл до дронга Эдварда и Морры. Где моё перо?

– Вот, – сказал Снусмумрик. – И, послушай, напиши побольше о Юксаре. Со всеми подробностями!

Муми-папа кивнул, положил тетрадь на траву и продолжил писать.

Тогда-то во мне и проснулся интерес к столярному делу. Этот особый дар, вероятно, был врождённым – я как бы ощущал его в кончиках пальцев. Первая проба таланта была скромной. Я нашёл на верфи подходящую деревяшку, взял нож и принялся вырезать горделивое украшение, впоследствии увенчавшее крышу ходовой рубки. Оно имело форму луковицы и было покрыто аккуратной резьбой в виде рыбьей чешуи.

Фредриксон, к сожалению, почти ничего не сказал об этой важной детали оснастки судна, так как думал только о спуске на воду.

«Морзкой оркестор» был готов. Ослепительно красный в лучах солнца, он стоял на четырёх резиновых колёсах (которые призваны были спасти его на предательских песчаных отмелях) и радовал глаз. Фредриксон раздобыл где-то капитанскую фуражку с золотым галуном. Он ползал под брюхом корабля и взволнованно бормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.